

Фиктивная
СЕМЬЯ ОТЦА

ЕЛЕНА ЛЕВАШОВА

16+

Елена Левашова

Фиктивная семья отца

«Автор»

2022

Левашова Е.

Фиктивная семья отца / Е. Левашова — «Автор», 2022

– Кто она?– Вдова вашего отца и единственная наследница. Мужчина остервенело отбрасывает какие-то бумаги. От страха ноги словно врастают в пол. Прижимаю к груди кричащую малышку и беспомощно раскрываю губы, не в силах вымолвить ни слова...– Единственная, значит? – он медленно подходит и наклоняется к моему лицу, обдавая щеку горячим дыханием. – Я сотру тебя в порошок, наследница... Так и знай.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	7
Глава 2.	11
Глава 3.	15
Глава 4.	19
Глава 5.	24
Глава 6.	28
Глава 7.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Елена Левашова

Фиктивная семья отца

Пролог.

Полина.

– Кто. Она. Такая? – рывкает тот, кто постарше – высоченный брюнет с аккуратной бородкой. Его пристальный, наполненный нескрываемой яростью взгляд перемещается на меня...

От страха ноги словно вырастают в пол. Не могу пошевелиться – так и стою посередине просторного мрачного кабинета, прижимая к груди плачущую Анфису. Как назло, у доченьки поднялась температура – она хрипит и трет покрасневшие глаза, не обращая внимания на взрослых. Кажется, под мужским цепким взглядом я превращаюсь в жалкую букашку... Липкий пот ползет по спине, обжигая кожу, как лава, дыхание сбивается в горле, а слова рассыпаются, так и оставшись невысказанными... Издаю нечленораздельный звук и касаюсь лба дочери губами. Мне нужна передышка... Пусть этот напыщенный индюк думает обо мне, что хочет... Максим Игоревич предупреждал об этом.

« – Мошенница, аферистка, преступница... Полина, они будут обвинять тебя во всех смертных грехах, но ты выдержишь... Должна выдержать. Ты же хочешь помочь себе?», – не к месту звучит голос моего покойного мужа.

– Молчите? Нечего сказать? – нетерпеливо повторяет он, бросая брезгливый взгляд на орущего ребенка. Так я и думала, что кроха его испугается...

– Я... Я...

– Атаманова Полина Романовна – вдова вашего покойного отца и единственная наследница, – опережает меня Виталий Иванович – нотариус покойного Богородицкого. – Желаете ознакомиться с завещанием?

Бумаги дрожат в его тонких сухоньких руках, голова вжимается в плечи от страха. Он неуверенно ступает навстречу «монстру» в сером костюме и так же неуверенно протягивает документы.

– К черту! – несостоявшийся наследник отбрасывает их и решительно направляется ко мне.

Огромный, под два метра ростом, черноглазый и черноволосый мужчина прет на меня буром. Решил напугать? Не выйдет! Он ничего не знает обо мне... С кем я живу и что мне приходится переживать каждый день. Что он мне сделает? Ударит? Не посмеет... А его громкого голоса и злого взгляда я не боюсь. Если бы он только знал, что моя жизнь напоминает маленький ад на земле...

Мужчина склоняется к моему лицу, обдавая щеку горячим дыханием, и шипит:

– Единственная, значит? Я сотру тебя в порошок, Полина... Романовна. Так и знай.

Не понимаю, что срабатывает триггером – его наглое вмешательство в мое личное пространство или угроза, прозвучавшая из уст? Только я мгновенно сбрасываю с себя наваждение и твердо отвечаю, крепче прижимая ребенка к груди:

– А кто такой вы? И кто дал вам право так со мной разговаривать?

Нотариус и второй мужчина, очень похожий на «монстра», удивленно распахивают глаза. Очевидно, никто в этом жутком доме не позволяет себе «так» с ним говорить – дерзко и нагло.

– Вы плохая актриса, Полина Романовна, – снисходительно протягивает он. – Никогда не поверю, что вы не навели справки о родственниках нашего покойного папаши. Вы прекрасно знаете, кто я.

– Богородицкий Родион Максимович, – блеет нотариус, бросая услужливый взгляд на «монстра», – старший сын Максима Игоревича.

– Не смейте... – надламывается мой голос. – Не смейте так говорить о Максиме Игоревиче. Лишь теперь я понимаю его выбор... Раньше недоумевала, а теперь... Вы чудовище! Злобное, жестокое, отвратительное! И я ни копейки вам не дам, так и знайте! Максим Игоревич хотел лишь одного – сохранить порт. Он мечтал передать дело тому, кто его не развалит и не продаст с молотка конкурентам, а продолжит... Он желал созидать. Я не верила его опасениям насчет вас, а теперь вижу все своими глазами... Вы... вы...

– Довольно, – хрипло протягивает Родион.

Мне кажется, из его глаз улетучивается ярость, сменяясь растерянностью и затаенной болью. Что, задела за живое? То-то же...

– Родион, идем. Нам здесь делать нечего, – подает голос второй братец – не менее высокий брюнет помоложе. – Что с ней разговаривать? Будем все вопросы решать через суд. Думаю, доказать, что она мошенница будет несложно.

Пусть делают, что хотят... Ей-богу, мне уже все равно. Да простит меня покойный Максим Игоревич... Анфиска заходитя в новом приступе плача. Пытаюсь ее успокоить, поглаживая по голове и спине, тихонько шепчу ей нежности, но она словно не слышит их... Очевидно, гнетущая атмосфера так на нее действует. Мне тоже нет смысла больше здесь оставаться – хватаю брошенное на кожаный диван пальто и ступаю к выходу.

– А эта девочка... – останавливает меня вопросом Родион. – Она наша сестра? И успокойте вы уже ребенка, горе-мамаша! – добавляет, не скрывая раздражения.

– А не пошли бы вы... И это не ваше дело, чья она? Понятно? – сбивчиво бросаю в ответ.

– Встретимся в суде! – кричат мне наследнички вслед.

Хватаю вещи и выскакиваю под зимнее серо-белое небо, на ходу одеваю ребенка. Щеки пылают, а спину будто насквозь пронзают их яростные взгляды... Анфиска замолкает лишь на улице. Хлопаю массивной металлической калиткой и шагаю по гравийной дорожке навстречу такси. Завтра же найму адвоката и больше никогда не увижу этих подонков! Никогда! И ноги моей больше не будет в этом доме. Завидев ярко-желтую машину, плетущуюся навстречу, ускорю шаг и тотчас замедляюсь, чтобы достать из сумочки вибрирующий телефон.

– Где ты, дрянь, так долго ходишь? Я разве тебя отпускал? – хрипит в динамике мужской голос.

Сбрасываю звонок, оставляя его без ответа, и сглатываю затопившую горло горечь...

Глава 1.

Родион.

Ярость слепит меня... Кажется, окружающие предметы размываются, перестают существовать. Как и голоса, звучащие фоном... Что он там говорит про эту... маленькую дрянь?

«Атаманова Полина Романовна – вдова вашего отца и единственная наследница».

Какой позор... Выходит, отец так и не простил меня? Поверил какому-то уроду и до конца жизни лелеял обиду?

И я узнаю о его женитьбе только сейчас! Хорошенькое дело папаша провернул перед смертью, ничего не скажешь! Впиваюсь взглядом в ее тонкую фигурку, борясь со странными чувствами – жалость, недоумение, брезгливость, непонимание... Почему отец выбрал ее? Умна? Не думаю. Разве что смазлива... Красива, как черная ночь: темные, слегка волнистые волосы спускаются по плечам, в больших карих глазах бурлит нескрываемый страх, а тонкие руки обнимают ребенка. Девочка плачет и трет глаза, а из ее носа показываются пузырьки. Вероятно, непутевая мамаша не нашла, с кем оставить больную девочку и приперла ее с собой. Эта... Полина тихонько ее успокаивает, не обращая внимания на нас. Кажется, она прикладывает недюжинные усилия, чтобы не рассыпаться от страха к нашим ногам. Бойтесь расправы? Правильно делает.

Преодолеваю расстояние до этой... расчетливой куклы и наклоняюсь, потешаясь над ее эмоциями, пожирая их, как воду из чистого источника. Возможно, я перегибаю палку, но ведь с такими, как она нельзя по-другому? Она... захватчица, террористка, обманщица... Маленькое ничтожество с наивными карими глазками. И сейчас из них струится яд ненависти, такой ощутимый, что я невольно отступаю, словно отравившись им...

– Я сотру тебя в порошок, Полина... Романовна.

Кирилл бормочет что-то про суд, а наследница подхватывает пальто с дивана и спешно покидает наш дом. Ее тонкие ноги растворяются в темноте длинного коридора, как и плач девочки. Опускаю ладони в карманы брюк и подхожу к окну, наблюдая, как ее сгорбленная фигура скрывается за калиткой. Скромное пальто, дешевая обувь, да и ребенок одет в обноски – выцветший комбинезон и шапку в катышках. Что-то тут не вяжется... Разве отец не мог обеспечить жену? И куда она бежит? Где живет? Вопросов так много...

– Ро... Родион Максимович, – блеет нотариус, вырывая меня из задумчивости.

– Кто она такая? Черт бы вас побрал! – рывкаю, наблюдая за испуганной физиономией Виталия Ивановича. – Почему мы с братом узнаем о ней только сейчас? Вы не могли сказать раньше? Вы...

– А что я должен говорить? Разве это входит в мои обязанности? Мое дело – зачитать завещание. И все... Я не должен, не должен... – лепечет он. – Это ваши семейные дела и касательства к ним...

– Ясно. Кто она такая, говори быстро!

– Да, Родион. И давай сегодня же поедem к адвокату, – вмешивается Кирилл.

– Погоди, Кир. Я должен понимать, с кем имею дело. Она мошенница, судимая или...

– Нет, нет, что вы? Родион Максимович, вы совсем плохо думаете о вашем покойном папаше. Так нельзя... – укоризненно качает головой нотариус. – Полина Романовна – инженер-проектировщик. Она четыре года работала на судостроительном заводе вашего папа...

– Отца, Виталий! Не папаша, – отрезают гневно. – Чем она занималась?

– Проектировала схемы кораблей и яхт. Максим Игоревич очень ее ценил. Они поженились три месяца назад. Но после свадьбы он совсем слег... Его поместили в хоспис и...

– Виталий, расскажи подробнее, – подходит ближе Кирилл. Снимает пиджак и небрежно бросает его на диван, где недавно лежало дрянное пальто этой... этой дрянной женщины.

– Интимные подробности мне неизвестны, – кисло замечает нотариус. – Неважно, фиктивный у них был брак или настоящий. Полина Романовна – супруга Богородицкого по документам. И наследница судя по завещанию. Вам будет крайне сложно доказать в суде...

– Мы сами решим, что нам делать, – взрывается Кирилл, постукивая пальцами по столу.

– Вышла замуж. Муж умер через три месяца в хосписе. Можно надавить на то, что жена не ухаживала за ним, – победоносно замечаю я.

– Насколько мне известно, Максиму Игоревичу требовались сложные процедуры. Их нельзя было осуществить вне медицинского учреждения. Ваш покойный... батюшка страдал от декомпенсированной почечной недостаточности из-за рака почек. Плохо, что вы не знали об этом...

Чертовый нотариус! И папа тоже... Сглатываю горечь, затопившую горло и вновь шагаю к окну. Куда она поехала? У меня даже адреса нет, а поговорить надо...

– У тебя есть ее адрес? – оборачиваюсь, впиваясь в нотариуса взглядом, не терпящим возражения.

– За... Зачем он вам? Поедите ей угрожать? Пугать или...

– Я просто поговорю с ней. И все!

– Я вам не верю. А Максим Игоревич настоятельно просил меня уберечь Полину от вас. Прошу вас, Родион Максимович, не делайте этого...

– По-твоему, я должен согласиться с завещанием и позволить ей захватить все, над чем трудились мы все? Папа, я и Кирилл? Это несправедливо!

Я состоятельный человек и мог бы... Хотя нет, не мог. Не могу оставить все так. Я выведу эту дрянь на чистую воду. Выясню, что она скрывает? Чем взяла отца? Почему он ей доверился? Настолько, что сделал женой? Теперь это для меня вопрос принципа!

– Это воля вашего отца, – парирует Виталий.

– Чем она занималась в последнее время? – бросаю сухо.

– Помогала Максиму Игоревичу возродить завод. Придумывала план развития и чертежи небольших яхт.

Пыталась возродить завод, значит? Можно ли верить словам нотариуса? Мне надо все выяснить самому...

– Мне нужен ее адрес. Обещаю, что не стану ей угрожать, – придавая голосу твердость, произношу я.

– Хорошо, я вам его дам. И позвоню Полине Романовне, чтобы...

– Не стоит этого делать. Хочу, чтобы мой визит стал неожиданностью.

Полина.

Такси останавливается возле подъезда кирпичной пятиэтажки. Забираю спящую Анфису и нехотя выхожу из машины. Я знаю, что сейчас будет... К горлу против воли подкатывает тошнота, а по телу пробегает зябкая дрожь. С трудом волочу ноги, поднимаясь по ступенькам на второй этаж. От ада меня разделяет хрупкая дверь... Скрипучая и исцарапанная... По ней слишком часто бьют кулаками, вот в чем дело...

Неуверенно толкаю дверь и на цыпочках вхожу в прихожую. Ноздрей касаются мерзкие запахи: пиво, соленая рыба, пот... Пожалуй, еще и его запах... Животный, ни с чем не сравнимый... Запах моего мучителя. И я ничего не могу поделать с этим. Он знает обо мне слишком много. Если заговорит – мне крышка.

– Пришла, дрянь? – выплывает он из кухни.

Какой же он отвратительный... Мерзкий, жалкий, подлый... Как я могла поверить ему тогда? Довериться и сделать его отцом Анфиски? Где были мои глаза? Очевидно, они ослепли от страха. Иногда мне кажется, лучше сесть в тюрьму, чем терпеть издевательства...

– Петя, пожалуйста, не кричи. Анфиса уснула в такси, – молю дрожащим шепотом.

– К черту! Когда уже ты получишь наследство? Сколько мне еще ждать?

– Шесть месяцев. Таков закон. Я только сегодня узнала о завещании... Нотариус позволил. И как ты можешь говорить о деньгах? Максим Игоревич совсем недавно умер и... Я даже не знала, что у него есть родственники, их и на похоронах не было...

– А надо было узнать! И сообщить им о смерти папаши! Теперь тебя по судам затаскают, идиотка! Неужели никто о них не сказал? Никто! Они все у тебя заберут, все! Все денежки папика Богородицкого.

– Никто... Он не общается с ними больше пяти лет и... Многие сотрудники не знали, что у Максима Игоревича есть дети. Когда я спросила об этом, он ответил решительное нет.

– Дура!

Он не дает мне договорить. Я только успеваю положить малышку в кроватку и отскочить в сторону. Перт знает, как меня бить... Так, чтобы не оставалось следов на лице и видимых частях тела. От него разит пивом и потом, на растянутой футболке темнеют пятна. В глазах плещется нескрываемое раздражение и ярость. Что ему от меня нужно? Хотя понятно что – деньги. Тогда он от меня отвяжется. Наверное...

– Все из-за тебя, дура!

Падаю на пол, сраженная глухим ударом. Зажимаю рот ладонью, чтобы не кричать и не пугать малышку. За что моей крохе такое? Совсем скоро она вырастет и начнет все понимать. И увидит нашу жизнь во всей красе. Петр валит меня на пол. Живот скручивает спазмом от умелых, целенаправленных ударов ногами. По лицу текут жгучие слезы, а в горле рассыпается осколками немой крик...

– Связался с дурой на свою голову, – шипит Петр, поднимая меня с пола за шиворот. – Так и знал, что ничего у тебя не получится. Богородицкие отождут наследство, оставив тебя ни с чем. Ты не думай – я не буду молчать о том, что ты сделала. Пойду в полицию и все им расскажу. Сядешь как миленькая... Сядешь... А что? Не уважаешь меня, так и вот тебе...

Петр разворачивает меня к себе и отвешивает оглушительную пощечину, вбирая в удар все свои ненависть и досаду.

– Так-то лучше, – довольно крякнув, проговаривает он. – Пойду я... С мужиками в гараже посижу, пива выпьем, поговорим о делах. К моему приходу приготовь борщ. Поняла?

– Д-да... – выдавливаю, с трудом подавляя желание дать ему по затылку чем-то тяжелым. Пока нельзя... Пётр не будет молчать о моем проступке – побежит в полицию и тотчас меня сдаст. Меня посадят, а Анфиску заберут в детский дом.

Два года назад произошло роковое событие. Я задержалась на работе, помогая Максиму Игоревичу готовить документы для крупного контракта. Он уехал, а я осталась, чтобы прибраться в кабинете и разложить документы по папкам. Спустя некоторое время в дверь постучали... А потом она шумно распахнулась, являя взгляду пьяного начальника производственного участка. Он кричал, что-то требовал, покачиваясь и наступая на меня. Тогда мне под руку попала тяжелая хрустальная ваза...

– Ох... – стряхиваю воспоминания и медленно поднимаюсь. Анфиска спит, безмятежно посасывая пальчик.

Мне бы вступить в наследство и обеспечить дочку всем необходимым. А мне ничего не нужно... Разве что адвокат по уголовным делам. Петр забирает все мои деньги, оставляя на продукты мизерную сумму. Я даже одежду нормальную купить не могу – хожу в храм и беру все, что приносят прихожане. И я ничего не могу с этим поделать... Пока не могу. У меня нет

денег и связей, чтобы защитить себя. У меня нет родных и близких, я совсем одна... Мама умерла, когда мне было шестнадцать лет, папа спился... Я не общаюсь с ним больше пятнадцати лет. А у Петра есть инструмент манипуляции – Анфиса. Наследство – мой единственный шанс поменять жизнь. Наверное, именно поэтому я согласилась на фиктивный брак с Богородицким? А Петр обрадовался возможности быстро разбогатеть, узнав о предстоящем браке с Максимом Игоревичем. Хорошо, что я не успела выйти замуж за Петра – это поначалу он был понимающим и добрым, а потом, когда понял, что я в его власти, превратился в свихнувшееся чудовище...

– Скоро все изменится, Полина. Тебе надо немного подождать, – успокаиваю себя, собирая со стола кости от рыбы и пустые бутылки. Не дом, а свинарник... – Совсем скоро ты получишь деньги. Ну или... сдашься в полицию. Так больше нельзя жить... Нельзя это все терпеть...

Всхлипываю и вынимаю из морозильной камеры кубик льда. Прикладываю его к ноющей и распухшей губе. Подхожу к зеркалу, взглянув на свое затравленное отражение – во что ты превратилась, девочка? Тебе себя не жалко? Тихонько плачу, а потом вздрагиваю от громкого стука в дверь. Неужели, Петр вернулся? Так быстро? Не похоже, что это он... Тогда кто? Гостей у нас отродясь не было.

– Кто там? – произношу, наклоня голову к двери.

– Открывайте, Полина.

Испуганно распахиваю дверь, встречаясь взглядом с Родионом Богородицким. Отворачиваюсь, но он успевает заметить слезы и ссадину на моем лице... Его карие глаза прищуриваются, из взгляда улетучивается спокойствие, сменяясь яростным блеском.

– Кто?! Кто это с вами сделал? – рычит он, без приглашения ступая в прихожую...

Глава 2.

Родион.

Может, не стоило ехать к ней сегодня? Кирилл отговаривал меня, да и нотариус умолял «не совершать столь опрометчивого поступка». Крепче сжимаю руль и сворачиваю с трассы в сторону уютного спального района – Полина живет именно там. Странно, что не в квартире отца. Выходит, их брак действительно был фиктивным? Почему меня это так заботит? Неужели, из-за ребенка? Если девочка наша сводная сестра, выяснить это не составит никакого труда.

Сверяю адрес и паркуюсь возле неприметной пятиэтажки из белого кирпича. Рядом с ней темнеют обшарпанные гаражи и ларьки с дешевым пивом. Ну и ну... Интересно, отец видел, в каких условиях живет его «супруга»? Парочка фотографий, свидетельских показаний соседей и... Дело в шляпе. Мы в два счета оспорим завещание, доказав незаконность брака.

Ободренный своими мыслями, поднимаюсь в квартиру. Наклоняюсь к двери, улавливая звуки, доносящиеся из прихожей. Слышу тихие шаги и что-то отдаленно напоминающее всхлипы. Значит, девочка не спит? Снова капризничает, а Полина ее успокаивает. Ловлю себя на мысли, что мне не хочется ее пугать. Однако, стук в дверь все равно получается громким и настойчивым.

– Кто там? – всхлипнув, спрашивает она.

– Откройте, Полина.

Она спешно проворачивает ключ в замке и рывком открывает дверь. Мне хватает секунды, чтобы заметить ссадину на распухшей губе и поблескивающие на щеках дорожки от слез. Возмущение взрывается внутри, как фейерверк. Мошенница, обманщица, расчетливая девка... Да, да, черт возьми! Но она женщина! Хрупкая и беззащитная... Какая мразь посмела поднять руку?

– Кто?! – почти рычу я. – Кто это с вами сделал?

– Что вы от меня хотите? Вы вот так являетесь в мой дом и... – бормочет она отворачиваясь. Понимаю – не хочет показаться слабой и уязвимой.

Поздно, детка... Я уже все увидел. И отвратительная картинка еще долго будет мне сниться в кошмарах.

– Кто? Я задал вопрос, – разворачиваю Полину к себе и обхватываю ее подбородок, всматриваясь в лицо. Ссадина на губе кровоточит, а на кончиках ресниц блестят слезинки. В огромных карих глазах плещется неприкрытый страх, грудь вздымается от частого, взволнованного дыхания... И чего я к ней полез? Мне-то какое до нее дело? Пришел ведь совсем по другому поводу?

Она молчит, позволяя мне себя рассматривать. Боится... Возможно, гораздо сильнее, чем мудака, ударившего ее. Темные глаза, гладкая кожа, покрытая россыпью светлых веснушек, ровный нос, длинные, почти черные волосы, струящиеся по плечам, как шелк – вот она какая – жена моего отца. Красивая... Очень красивая дрянь.

– Простите... – отрываю руку от ее лица, будто обжегшись. – Кто вас ударил?

Перевожу взгляд на неопрятный стол. На нем остатки пиршества – бутылки и объедки. Значит, в доме есть мужик... Вернее, ничтожество в мужских штанах. Полина прослеживает за моим взглядом, обставляя без ответа.

– Зачем вы пришли? Угрожать? Может, бить? А что – можете добавить, с меня не убудет, ведь...

– Прекратите, Полина... Романовна. Расскажите, что произошло?

– Вам? Шутите? Я вам не доверяю, Родион Максимович. И ваш отец не доверял. Думаю, причина, по какой он с вами не общался, была веской. Тогда почему я должна открываться перед вами? – Полина смотрит мне прямо в глаза, на мгновение позабыв о том, как выглядит.

– Я вижу, что вам нужна помощь. Какие бы ни были между нами конфликты, я могу помочь...

– Не можете, – обреченно шепчет она. – И не лезьте в мою личную жизнь. Дайте мне спокойно прожить эти шесть месяцев и получить причитающиеся мне деньги. Я решу свои проблемы сама.

– Полина Романовна, мы с братом намерены добиваться права на наследство через суд, – сбрасывая наваждение, говорю я. – Мы могли бы обсудить сумму отступных. Вы же понимаете, что с вашей стороны несправедливо захватывать все? К тому же мы тоже участвовали в создании завода – документы могут это подтвердить.

– Хорошо, я подумаю над вашим предложением. А теперь... уходите. Скоро проснется моя дочь, вы ее напугаете.

– Уверен, здесь есть, кому ее пугать и без меня, – бросив брезгливый взгляд на валяющиеся в углу кухни бутылки, отвечаю я.

– Я подумаю... Оставьте ваш номер телефона, я перезвоню.

– Полина Романовна, я не могу все это так оставить, вы же понимаете? Он же в следующий раз может вас убить. Отец знал о... Кто он вам?

– Он отец моей дочери. Нет, Максим Игоревич тяжело болел. Я целенаправленно не нагружала его своими проблемами. Они были ему ни к чему. Со мной все будет в порядке, – вздыхает она.

Из комнаты доносится детский плач. Полина кивает на прощание и убегает успокаивать дочь. А я не знаю, как правильно поступить? Вмешаться в ее жизнь или заняться своей? Что делать? Конечно, я забываю оставить ей номер телефона. Тихонько прикрываю дверь и возвращаюсь в машину. Запускаю двигатель, но уезжать не спешу... Не понимаю, что меня здесь держит?

Родион.

Возле подъезда Полины толпятся подозрительные мужики. Один из них вынимает из мятого пакета две «полторашки» пива, другой ржёт и машет руками, рассказывая что-то, третий странно поглядывает в сторону подъезда, а потом переводит взгляд на окна второго этажа... Ума не приложу, как можно здесь жить? Перед глазами против воли всплывает лицо малышки. Она громко заплакала, а Полина тотчас подхватила ее на руки и прижала к груди. Девчонка тёрла глаза и размазывала по пунцовым щекам сопли, а Полина нежно ворковала ей на ухо, напрочь позабыв обо мне. Что заставляет ее жить с каким-то уродом? Подвергать опасности себя и дочку?

Двигатель урчит под сиденьем, а печь нагоняет в салон тёплый и терпкий воздух. Мне бы тронуться с места и свалить отсюда, но я не могу... Залипаю на омерзительной картинке, чувствуя, как внутри поднимает голову ярость. И пожалуй, брезгливость.

Почему отец выбрал ее? Почему Полина не высказала ему обо всех своих проблемах, а стойко молчала? Уважала, жалела папу? Уверен, что да... А ведь она могла бы потребовать новую квартиру и счет в банке? Но вместо этого продолжала жить с каким-то уродом и носить обноски. Тянусь за телефоном, не в силах принять решение самостоятельно. Может, брат подскажет, как в этой ситуации быть?

Местная пьянь продолжает ржать и распивать пиво, сидя на лавочке, а я набираю цифры телефонного номера брата.

– Кирилл, я только что был в квартире этой...

- Расчетливой дряни, я понял. И что, Родион? Удалось ее...
- Постой, не торопись. Мне нужен совет. У нее... С ней творится что-то страшное, Кир. Я даже не знаю, как описать в двух словах то, что я видел.
- Ну уж постарайся как-нибудь, брат.
- Ее избил сожитель, – шумно выдохнув, говорю я.
- Да ладно! А он... Ты его видел?
- Нет. Но я видел следы его... ничтожной жизнедеятельности: объедки и пустые бутылки от спиртного.
- Родион, ты догадался записать это на видео? – оживает Кирилл. – Наверняка эта... Атаманова выпивает вместе с сожителем. Она расчетливая пьянь! Вот кто она!
- Да перестань, Кир. Она не пьет. У нее маленькая дочка, о чем ты говоришь?
- И что? Это мешает ей закладывать за воротник? Мы бы могли доказать в суде ее несостоятельность как жены. Да и о каком браке речь, если она не жила с папой? Она пришла к нам в рванье, ты сам видел, значит, отец не оказывал ей материальной помощи. Уже два факта из трех! – возбужденно тараторит Кир.
- А какой третий? – сухо произношу я.
- Заключение брака из-за выгоды. Получение гражданства или наследства. Ну тут все легко. Мы ее уроем только так, Родя!
- Не знаю, почему меня совсем не радуют справедливые аргументы брата... Перед глазами всплывает испуганное лицо Полины... И девчужки, так на нее похожей. Темные глазки-пуговицы, вьющиеся каштановые пряди... Справненькая, круглолицая, простуженная... Какое мне до них дело? До нее – странной запуганной женщины, которую выбрал мой отец? Почему же она молчала? Папе не составило бы труда разобраться с пьяным сожителем Полины.
- Не могу, Кир, – вздыхаю, потирая лоб. – Мне надо во всем разобраться. Ее выбрал наш отец, значит, на то была причина.
- Да перестань ты, Родя! Ты в шоколаде, а вот я... Мне позарез нужны деньги. Я какой месяц не могу вылезти из кризиса, а она...
- Ее избивают, Кир. Какая-то тварь поднимает руку на вдову нашего отца! Давай остынем и поразмыслим трезво, как нам поступить?
- Ты запал на нее, Родь? Я так и знал, – шипит он в динамик. – Тебе наплевать на мои проблемы, да, брат? Куда важнее какая-то... подстилка? С каких пор ты стал таким жалостливым? Вместо помощи брату ты...
- А с каких пор ты стал таким толстокожим? И в своих проблемам ты виноват сам, Кир! Полина здесь ни при чем!
- Ах она уже Полина?
- Чувствую, что разговор заходит в тупик и сухо прощаюсь с братом. Он слишком нетерпеливый, чтобы грамотно управлять бизнесом. Страстный, молодой, рискованный... Легко соглашается на авантюры и так же легко расстается с деньгами. Я его полная противоположность. Бросаю телефон на переднее сиденье и трогаюсь с места. Мне надо узнать об этой Полине все. А кто мне может рассказать о ней? Правильно, сотрудники завода. Ну и... юрист моей фирмы. Я владею судоходной компанией, осуществляющей грузоперевозки по морю. Но служба безопасности у меня вполне достойная... Да и юрист толковый. Выезжаю с парковки, краем глаза замечая, как за машиной бежит человек.
- Стойте, да погодите вы!
- Что есть силы давлю на тормоз. Он осторожно открывает переднюю пассажирскую дверь и лезет внутрь, наполняя салон запахом пивного перегара.
- Я... Это самое... У меня к вам разговор есть. Важный.
- А вы кто? – брезгливо произношу я. Денег ему надо или...

– Вам же надо у Польки наследство отжать? Так я помогу. Я кое-что про нее знаю. Вы можете надавить на нее, она как миленькая согласится, – злобно улыбаясь, произносит он.

– И что же это за информация?

– Э-э... Нет. Так дело не пойдет. Мне вознаграждение нужно. Информация стоящая, не сомневайтесь. Припугнете ее этим, она откажется от всего. И завещание порвет на ваших глазах.

Похоже, именно эта мразь поднимает на нее руку... И она же отбирает деньги и все пропивает. Вознаграждение, говоришь? Мне до боли в мышцах хочется ему втащить, но я сдерживаюсь, на ходу придумав другой, более изощренный план мести.

– Жду вас завтра в своем офисе. Вот адрес, – протягиваю мерзавцу визитку. – В десять утра.

– Приеду, – довольно произносит он.

Глава 3.

Полина.

И почему я так дрожу? Зябко ежусь, словно испуганный, затравленный заяц. Родион пристально на меня смотрит, легонько сжимая пальцами подбородок. И в его черном взгляде нет ненависти или брезгливости... Возмущение, жалость, недоумение – да, но только не ненависть... Что ему от меня нужно? Деньги его отца, вот что... И пришел он за этим. Родион продолжает сверлить меня взглядом. Держит мое лицо в большой ладони и часто дышит. Разглядывает меня... Вот такую, как есть – избитую, жалкую, с опухшим от слез лицом и разбитой губой. А я ловлю себя на мысли, что от него приятно пахнет... Одеколоном и мятной жвачкой, дождем и свежестью улицы.

Наше молчание затягивается. Глубоко вздыхаю, возвращая мужчину в реальность.

– Простите...

Он отрывает от меня руку и переводит взгляд на грязный стол. Я не успела все убрать... Он просто пришел в неподходящее время. Увидел мою жизнь без прикрас. И меня увидел – жалкую и уязвимую. Родион отступает на шаг, будто подчеркивая непреодолимую пропасть между нами. Мужчина из высшего общества, богач и красавец, случайно оказавшийся в моем мире... И почему я сейчас его не боюсь? Я вообще после Петра никого не боюсь... Он выбил из меня страх, заменив его равнодушием. Родион терзает меня расспросами, а я отмахиваюсь от разговора, продолжая собирать со стола мусор. Да, я так живу... Вынуждена убирать чужие объедки, чтобы жить в чистоте. Правда, она сохраняется ненадолго... Завтра все начнется по новой: Петр купит спиртное и приведет в мой дом друзей...

– Я подумаю... – отвечаю, желая, чтобы Богородицкий поскорее покинул мой дом.

Возможно, он прав, а мне стоит подумать над его предложением поделить наследство. Но сначала я все узнаю о нем. Почему Максим Игоревич не общался с сыновьями? Чем они его так обидели? Анфиска просыпается и начинает кричать. Подхватываю дочурку на руки, прижимаясь губами в пылающему лбу малышки. Все-таки заболела... Не представляю, где брать деньги на лекарства? Петр забрал у меня все... Я потратила последние деньги на такси до особняка Богородицких... Погруженная в свои мысли, успокаиваю Анфису, не сразу замечая, что Родион ушел... Он тихонько прикрыл дверь, стараясь не потревожить нас.

Держа малышку на руках, вынимаю из навесного шкафа коробку с лекарствами. Есть только жаропонижающее и физраствор. Может, надо было попросить у Родиона денег? Черт... И почему я решила, что ему не все равно?

Промываю Анфисе нос, обтираю горячий лобик и грудь мокрым полотенцем, даю крохе ложечку жаропонижающего сиропа. Все будет хорошо... Наверное... Потому что терпеть издевательства Петра у меня больше нет сил.

Переодеваю дочь и усаживаю ее в детский стульчик для кормления – его я тоже принесла из храма. Раскладываю перед ней игрушки, пытаюсь продолжить уборку на кухне. В таком свинарнике я есть не стану... И тем более кормить дочь. Пока бульон варится на плите, мою раковину и настенную кафельную плитку. Остервенело тру столешницу, смывая пивные разводы.

Внезапно входная дверь распахивается. В прихожей слышатся тяжелые шаги и хриплое ненавистное дыхание. Явился-таки...

– Этот надушенный придурок, что к тебе приезжал, сынок Богородицкого?

Петр грубо сжимает мое плечо и разворачивает. Ненавижу... Как же я его ненавижу... Он дышит мне в лицо перегаром, с трудом держась на ногах.

– Да. И что? А ты... Ты его видел?

– Стоит на своей крутой тачке возле нашего подъезда. Парни доложили, я и пришел... Если бы не пришел, ты бы... Ты бы ему дала, а, Поля?

– Да! Такому, как он можно, – выплевываю в ответ. – А от тебя меня воротит, ясно?

Петр замахивается, чтобы меня ударить, но я опережаю его – отбиваю горлышко пивной бутылки о край столешницы и выставляю вперед осколок. Битое стекло поблескивает, едва не касаясь жирной грязной шеи Петра.

– Ты чего удумала, дрянь? – шипит он, уступая на шаг.

– Еще раз тронешь меня, пойду в полицию и заявлю на тебя. Ты меня понял? Признаюсь в убийстве и сдамся. Но и ты вылетишь из моей квартиры. Как пробка вылетишь. Только попробуй... И денег моих ты не получишь. Я ни копейки тебе не дам, слышишь? Ни копейки денег Максима Игоревича. Вон! Пошел вон из моего дома, ублюдок!

Не знаю, откуда во мне берется такая смелость? Я никогда так себя не вела с Петром... Боялась его угроз и терпела. Может, Родион так на меня повлиял? А, может, мое терпение, наконец, лопнуло? Истрепалось, как ветошь? Не представляю, что теперь будет с Анфисой? Ее заберут в детский дом, а меня поместят под стражу.

– Держись, гадина... Ты сама сделала выбор, – шипит Петр, подходя к окну.

Только сейчас замечаю, что машина Родиона до сих пор стоит возле дома. Это может быть только он...

Петр вылетает на улицу, а я беру кроху на руки, захлебываясь слезами... Вдыхаю аромат ее волос, целую в щеки, понимая, что скоро меня с ней разлучат...

Плачу, выплескивая накопившуюся обиду, не сразу понимая, что в дверь звонят...

Полина.

Тихонько всхлипываю и на цыпочках подхожу к двери. Неужели, полиция? Так быстро? Участковый пункт находится недалеко, в квартале отсюда. Петр не успел бы управиться... Наклоняю голову и спрашиваю:

– Кто там?

– Здравствуйте, это врач из частной клиники «Лучший доктор». Я пришла посмотреть вашу малышку.

– А я... Я не вызывала врача.

– Не волнуйтесь, Полина Романовна, вызов оплатил мужчина... Высокий такой, видный. Вам не о чем беспокоиться.

Не знаю, что заставляет меня сдаться – звонкий и добродушный голос девушки, а, быть может, огненно-горячий лоб Анфиски, хныкающей и бессильно прижимающейся к моей груди? Мне сейчас совершенно точно нужна помощь... Мне и моей крохе.

– Проходите, – распахиваю дверь и впускаю гостью. – Можете не разуваться, я не успела убраться.

Слава богу, мне хватило времени придать кухне божеский вид. Взмахиваю ладонью, приглашая доктора расположиться за столом.

Она с любопытством смотрит на меня и тактично молчит, замечая ссадину на губе и распухший от слез нос... Просит разрешения помыть руки и переключает внимание на Анфису.

– Сколько малышке? Как давно болеет? Что беспокоит? – вопросы сыплются из нее, как из рога изобилия.

– Один год и один месяц. Заболела сегодня. Мне бы хотелось, чтобы вы ее послушали. И еще... – потупив взор, произношу я.

Любопытство свербит, как бегающий под кожей жучок-короед. Сколько Родион ей заплатил за столь срочный вызов? Очевидно, он заметил частную клинику, выезжая из двора на

трассу? Она находится совсем недалеко от моего дома, но услугами заведения я никогда не пользовалась – слишком дорого...

– Он заплатил мне о-очень много, – угадывая мой невысказанный вопрос, говорит девушка. – Влетел с выпученными глазами и потребовал врача! Срочно! – она корчит смешную рожицу, изображая Родиона. Я невольно улыбаюсь, вспоминая Богородицкого. Именно так он смотрел на меня в особняке... Так, как сейчас показывает врач...

– Я его совсем не просила об этом. Вы поймите, я...

– Шутишь, что ли? – усмехается девушка, осматривая горло Анфисы. – Он столько заплатил, что грех было отказываться! Я быстро оделась, руки в ноги и к тебе. Благо, тут идти пять минут. Кстати, я Марина. А ты Поля, он мне сказал.

– А что он еще сказал? – невольно произношу я.

– Сказал, что мама ребенка не может сама прийти. И я должна быстренько одеться, подхватить свой чемоданчик, взять деньги и пулей... Он так и сказал – пулей прилететь сюда. Переживает за вас. Кстати, это не он тебя... – Марина показывает на мое лицо.

– Сожитель. А Родион Максимович, он... Просто пришел не вовремя и... Увидел все это.

– Беспokoится, заботится. Это приятно, – резюмирует Марина. – Ты как хочешь, Польша, а я деньги тебе отдам. Видно, что ты девушка гордая, у него не возьмешь, а от меня не страшно... И лекарства сейчас пойду куколке маленькой куплю.

– Ой, нет, денег не надо, я...

– Да брось ты, Польша. Я и тебе мазь от синяков куплю, окей? У малышки острая респираторная вирусная инфекция, в легких хрипов нет. Я принесу все необходимое, а еще... Какой ты любишь торт? Угостишь замерзшего врача чаем? – широко улыбается Марина. Смешная... Симпатичная, рыженькая, добродушная... Интересно, она ко всем пациентам так относится?

– Не тупи, Польша. Жалко мне тебя, вот и все. Хочу помочь – мама и папа так воспитали. Ну не могу я мимо пройти! Думаешь, меня каждый день на пороге встречает избитая и заплаканная мамаша? Посидим, чаю попьем. У тебя подружки есть?

– Ну... так. Приятельницы. Я не могу никого в дом привести, ты же сама видишь...

Марина бросает взгляд на пакет с пустыми бутылками, темнеющий в углу.

– Понятно все.

Она деловито распаивает дверцы холодильника и что-то бормочет под нос. Морозильную камеру тоже осматривает.

– Марин, спасибо тебе, но...

– Цыц! Вернусь через двадцать минут.

Марина набрасывает на плечи ярко-малиновую шубку из искусственного меха, обувается в сиреневые угги и топает в подъезд. Усаживаю Анфису в стульчик и бросаюсь наводить порядок. Давно же у меня не было гостей... Вспоминаю про старенькую нарядную скатерть из детства, доставшуюся от бабули, и про чайный сервиз, покоящийся в коробке на антресолях. Когда Марина возвращается, кухню не узнать: на столе, украшенном красной, потертой от времени скатертью, поблескивают белые чашки с синим рисунком, в центре стоит горячий чайник и пузатая сахарница.

– Вот это да! – протягивает Марина, по-хозяйски проходя в кухню. – Вот. Купила тебе продукты и бытовую химию. Почему-то мне показалось, что тебе надо... Кукла пока болеет, по магазинам особо не побегаешь. Заодно и денежки твоего красавчика потратила. Ну а что?

– Ох, Марина. Спасибо тебе. Наверное, надо и Родиона Максимовича поблагодарить. А я его номера телефона не знаю.

– Он сам объявится. Вот увидишь. Я «Красный бархат» купила, любишь его?

– Не знаю...

– Садись, горе луковое. Давай я с малышкой поиграю, а ты поешь. Сейчас ей лекарства дам. И распишу, что и когда принимать, поняла?

- Угу, – отвечаю, нарезаю ароматный торт и раскладывая кусочки на блюда.
- Мазь тебе купила. Выпьешь чаю, а потом физиономию намажешь. Замки не хочешь сменить? Чтобы этот козел снова не...
- Хочу, Марин. Но пока не могу, – обреченно вздыхаю. – На то есть веская причина...
- У тебя телефон звонит, – обрывает Марина, ласково поглаживая мою куклу по лицу.

Номер незнакомый, но я почти уверена, что звонит Родион...

- Да.
- Полина Романовна, это Родион... Максимович. Как вы себя чувствуете? Простите за самодеятельность, врач приходил?
- Да. Спасибо вам большое. Я... Я очень благодарна и...
- Я заеду к вам завтра. Вы не против?
- Нет. Давайте в два?
- Договорились.

Глава 4.

Родион.

Мерзкое лицо мужика до сих пор стоит перед глазами. Я даже знаю, как все завтра произойдет... Он помоеется и наденет чистую одежду. Припрется в мой офис и с важным видом вывалит какую-нибудь чушь про Полину... Что она может сотворить? Украсть деньги со счетов отца? Она и мухи не обидит... Тогда откуда в мерзавце уверенность, что его «стоящая инфля» подействует на меня? Выезжаю из двора, издали замечая светящуюся вывеску частной клиники. Ну, конечно! Ее малышка больна, а Полина... Романовна не пойдет в детскую поликлинику с разбитым лицом – кто угодно бы пошел, а она нет... Напустив на лицо грозный вид, выхватываю в коридоре молоденькую девчонку-педиатра. Сюю в ладонь деньги, называю адрес и почти приказываю тотчас идти к Полине... Пулей – именно так я и говорю, сверля взглядом испуганную рыжую врачиху. Конечно, она соглашается – ее маленький кулак сжимает половину врачебной зарплаты, если не больше...

С чувством выполненного долга возвращаюсь в машину. Рыжая девчонка выбегает из дверей клиники ровно через минуту. Послушная попалась... А уж какая смешная... Красная шапка, малиновое пальто, фиолетовые сапоги, а сумка зеленая. Ну точно светофор.

Домой добираюсь быстро – город еще не уснул, и дороги не заполонили автомобили... Оставляю машину в подземной парковке и поднимаюсь на этаж. Распахиваю двери уютной светлой «холостяцкой берлоги», вспоминая, что так и не оставил Полине своего телефонного номера. «А он ей нужен?», – опережает меня внутренний голос – скептический и презрительный. Нужен, – уверенно прогоняю сомнения я. Нам еще наследство делить... Так что он ей точно понадобится.

Набираю заветные цифры, добытые у нотариуса, гадая, о чем ее сожитель может сообщить? Может, спросить у нее прямо и освободить себя от встречи с этим куском дерьма?

Не-ет... Я ведь придумал для него наказание. Он рассчитывает срубить куш, а получит... Но об этом я подумаю завтра. Слышу ее голос в динамике, чувствуя, как внутри разливается странное тепло. Опасное состояние... Давно забытое... И чего я к ней привязался? Пожалел, откопав в очерствевшей душе что-то человеческое... Верите, я даже почувствовать себя стал лучше. Человеком, а не пропащей гнидой... Именно таким меня считал отец. Поверил лживым доказательствам и прогнал не разобравшись. Вычеркнул из своей жизни, поставив крест на нашем родстве... Вор, предатель, Иуда... Каждый день я слышал его слова, брошенные мне в спину. Они витали, как мерзкие невидимые гадины и мучили меня долгие годы. А сегодня заткнулись... Не совпадение ли? Я помог не его вдове – себе...

– Полина Романовна, я приеду к вам завтра, вы не против?

«А нафига тебе к ней ехать?», – не унимается внутренний голос. Ну что за дрянь – и откуда он только взялся? Я действительно не понимаю, зачем мне ехать? Просто хочу ее видеть и... все. Убедиться, что ей никто не навредил.

– Не против. Давайте в два.

В два... Повторяю, как идиот, раздумывая, что принесет мне встреча с ее сожителем... И с ней...

Мужик приезжает ровно в десять. Топчется на пороге и виновато протягивает:

– Доброго дня, Родион Максимович. Разрешите войти?

– Входите, – сухо бросаю я, махнув ладонью в сторону кожаного дивана. – Я вас слушаю.

– Э-э, нет. Мне нужен миллион за информацию, – облизав губы, проговаривает он. – Инфа стоящая, не сомневайтесь.

– Миллион рублей? – уточняю я, придав лицу вид каменного изваяния.

– Ну... да. А вы можете и лям долларов дать?

– Вам? Нет. Я почти уверен, что ничего толкового от вас не услышу. Однако, от Полины Романовны мне нужен отказ от наследства. Только и всего... Я считаю ее мошенницей и хитрой лгуньей. Она втерлась в доверие моему отцу, так все и было, – знаю, что переигрываю, но решаюсь отыграть задуманную роль до конца. И я готов заплатить вам, как вас...

– Петр Сергеевич...

– А фамилия?

– Жуков.

Вот так, значит? Фамилия ничтожества у меня есть, остается дело за малым... Встаю с места и подхожу к сейфу. Вынимаю пачку в банковской упаковке и небрежно бросаю ее на стол перед мерзавцем.

– Теперь вы мне расскажете?

– Да, – он тянется дрожащими руками и спешно прячет деньги в кармане пиджака. Как я и думал, алкаш нарядился в чистое. – Полина убила человека.

– Что? Вы несете бред. Она не...

– У меня есть доказательства. Полина испытывала неприязнь к одному мужику с завода. Однажды он пришел к ней в кабинет и... – он прерывает рассказ, глубоко вздыхая. – Он хотел поухаживать, пригласить ее в кино или кафе, но Атаманова ударила его по голове тяжелой хрустальной вазой. И... убила, – хрипло произносит Петр. – Я записал ее слова на диктофон.

– А как вы там оказались? – складывая пальцы в замок, спрашиваю я. Наваливаюсь на стол, не в силах уместить в голове услышанное.

– Я работал охранником. Услышал крики и прибежал. Помог ей тогда оттащить убиенного в подсобку и промолчал о происшествии. Тогда все списали на пьяную потасовку между рабочими. Мужик тот подшофе был... Следаки не увидели ничего подозрительного в том, что его ударил кто-то из собутыльников. Я записи с камер стер, но себе на всякий пожарный копию оставил.

– То есть дело замяли? – севшим голосом уточняю я.

– Да, но я могу пойти в полицию и во всем признаться. У мужика семья была, дети... Полька оставила их сиротами.

– А что заставило вас прийти ко мне именно сейчас? Почему вы молчали столько времени? Это же год назад произошло?

– Даже больше, чем год... Просто она... – Петр вытирает вспотевший лоб и расстегивает ворот рубашки. – Она меня не уважает. Не считается со мной и... Не сложились у нас отношения. Да я и молчать не могу об этом! – придумав благородную причину, почти вскрикивает он. – Меня это мучит. Хочу признаться. И хочу, чтобы убийцу скорее посадили.

– Ах так? – поднимаюсь с места, не выдержав разговора, и подхожу ближе. Ну все, Петя, держись... – А мне кажется, ты просто хочешь разжиться чужими деньгами. Я прав, Петюня?

Хватаю недоумка за полы пиджака и рывком тяну на себя...

– Вы что себе позволяете? – хрипит он, вытаращив глаза. – Я же все вам рассказал? Вы заплатили... Вы... Все по-честному!

– Уважения тебе не хватает? – рычу и поднимаю мерзавца за грудки. Ткань старого пиджака предательски трещит. Ярость кипит кровь. Кажется, я ничего не слышу, кроме громающего в груди сердца. – И ты бил беспомощную девушку, чтобы его вернуть? Ты... Ты тварь, Петя. Слабый и мерзкий говнюк, севший на шею несчастной девчонке! Когда ты ее спрашивал, сыта ли она? И всего ли хватает ТВОЕЙ, падаль, дочери?

– А-а-а! Так ты все-таки запал на нее? Красивая дрянь, да. Я все для нее сделал, а она... И зарплата у меня маленькая, и в постели я ноль... Да черт... Я просто не позволял ей вытирать об себя ноги!

Дверь распахивается. В проеме вырастает мощная фигура охранника. Он любовно касается основания дубинки и зычно произносит:

– Помощь нужна, Родион Максимович?

– Да, – скулит Петя, болтая ногами. Лишь сейчас замечаю, что до сих пор держу его на весу... А он шевелит конечностями, пытаюсь найти опору. Царапает пол и кожаный великолепный диван, на котором недавно сидел. Сволочь...

– Молчать! – не выдерживаю и все-таки бью его в лицо. Он падает на диван, повизгивая и прикрывая скулу руками.

– За что?

– Нельзя бить женщин, тебе понятно, Петюня?

– Родион Максимович, может, полицию вызвать? – качает головой охранник.

– Не надо, Валера. Мы...сами. Да, Петя?

– Я пойду в полицию, вы поняли? Думал, с вами можно по-хорошему, но...

– Только посмей! – рывкаю и бью его в другую скулу. Левый глаз козла мгновенно отекает.

Он ойкает и валится на пол. Потом неуклюже поднимается и пытается ударить в ответ. Не тут-то было... Я два года служил на морфлоте и профессионально занимался боксом, так что... Петя выбрал неправильную тактику, за что получает еще один удар – в живот.

– Ты сейчас же возьмешь миллион и свалишь отсюда, ты понял, ублюдок?

– Д-да...

– И не смей больше появляться у Полины. Никогда! Уяснил?! – рычу, со всей дури дергая полу его гребаного пиджака. Ткань обиженно трещит и рвется.

– Анфиска моя дочь, как же я... – утирает кровь Петя.

– Ты поздно вспомнил о семье, Петя. И, да... Ты завтра же принесешь мне записи с камер, что оставил себе. И попробуй меня обмануть. Из-под земли достану, будь уверен...

Петр злобно сплевывает и медленно поднимается. Цепляет пальцами оторванный рукав и плетется к выходу. Хлопает по карману пиджака, проверяя на месте ли деньги? Ничтожество... И подонок.

– Я не услышал ответа, – повторяю я ему в спину.

– Я подумаю, – бросает он, обернувшись и стрельнув в меня презрительным взглядом. – Никто не запретит мне пойти в полицию, так? А если будете препятствовать, Родион Максимович, я и на вас заявлю. За избиение...

Он пойдет в полицию... Почему-то я не сомневаюсь в этом. И никакой миллион его не остановит.

– Постой, – произношу я. – Как фамилия того парня? Кого Полина убила.

– А вам зачем?

– Я же заплатил тебе, **ука ты гребаная!

– Артеменко Василий Иванович. Так его звали. Но Полинка дрянь... Я предупредил вас, потом не жалуйтесь. Зря вы ее защищаете, Родион Максимович. Вам бы ее прижать, как мерзкого таракана, она испугается и откажется от всего... Завещание можно уничтожить, тогда единственными наследниками по закону останетесь вы с братом. Она же права никакого не имеет на денежки Максима Игоревича... А Анфису отберут! Как пить дать – заберут в детский дом, пока Польша в СИЗО будет чалиться.

– Пошел вон! Вон!

Ничтожество покидает мой кабинет. Поднимаюсь с места и настезь распахиваю окно, вдыхая терпкий зимний воздух. Надо бы помыть здесь все после этого... козла.

– Вита! – кричу сидящей за стеной секретарше.

– Да, Родион Максимович, что случилось? Вы... У вас... – она переводит взгляд на мои руки.

– Подрался чуток. Вызови уборщицу, здесь надо убрать. А я домой.

Бросаю взгляд на часы. Черт дёрнул меня предложить Полине увидеться... И зачем мне к ней ехать? Что говорить? Разве это мое дело – лезть к ней в душу и требовать признания? Мне ведь от нее нужно только наследство, ведь так? Несколько дней назад так все и было. А сегодня... Я уже и не уверен.

Подписываю документы на отправку и спускаюсь к машине. Мне надо принять душ и переодеться. Кажется, запах дешевого одеколона Петюни пропитал меня насквозь. Черт бы его побрал! По дороге решаюсь позвонить своему юристу: в порядочности Петра я глубоко сомневаюсь, а Полине хочу помочь... Пока не могу объяснить себе, почему – разберусь с этим позже.

– Александр Владимирович, добрый день. Мне нужна ваша помощь.

– Я весь внимание, Родион Максимович.

– Есть знакомый адвокат по уголовным делам?

Сердце мучат странные ощущения... Словно у меня не деловая встреча, а свидание. Ловлю себя на мысли, что после развода впервые чувствую себя так... Остервенело сдираю одежду, пропахшую одеколоном Пети, и иду в душ. Не собираюсь я для нее наряжаться... И строить из себя черт знает что тоже не стану. Она простая девчонка, попавшая в беду... Я просто подвернулся в удачный момент. Помогу ей и... все.

Чтобы привести себя в чувства, звоню дочурке. Раньше это всегда помогало изгнать из мыслей глупости, но сегодня...

– Привет, котенок.

– Привет, папуль. Ты когда приедешь? Может, сходим в кино на «Черную вдову»? Мама отпустит. Ей лучше, когда я куда-то ухожу и... В общем, мне кажется, что я не нужна ей. Она все время со своим новым... Бррр...

– Стоп, стоп, солнышко. О чем этот ты? – взволнованно спрашиваю я. А ведь хотел позвонить, чтобы успокоиться...

– У мамы парень завелся, пап...

– Олечка, давай я завтра приеду? Сегодня... дел по горло. Возьму билеты в кино, потом сходим в пиццерию. Как ты на это смотришь? Сегодня я вправду занят.

«Встреча с Полиной, серьезный разговор с ней, обсуждение подробностей дела...».

– Хорошо, папуль. До завтра.

Как бы сейчас ни жила Альбина, я благодарен ей за дочь. Олечка у меня красавица... Умница, отличница и будущий дипломат, если верить ее разговорам о детской мечте. Я женился в двадцать один год, а в двадцать два стал отцом прекрасной доченьки. У нас все было хорошо... Мне так всегда казалось. Пока однажды я не вернулся домой раньше обычного... Оленька истошно орала, запертая в детской, а Альбина прыгала на бедрах моего партнёра по бизнесу Володи Данкова. В нашей спальне и на нашей супружеской кровати. Мы тогда только начали раскручиваться, появились первые деньги и новые возможности, к которым Альбина очень быстро привыкла... Все они гребанные потаскухи... Потому я научился пользоваться женщинами по потребности – просто брать их. И все... Никаких отношений и чувств.

Отбрасываю телефон на кресло и со всей дури впечатываю кулаком в стену. До сих пор болит... Ольке уже одиннадцать лет, а болит так, словно все случилось вчера. Как наяву вижу заплаканные глаза Альбины и испуганные Вовы... Черт...

Погруженный в невеселые мысли, надеваю первую попавшуюся в шкафу чистую водолазку и джинсы. Не будет у меня с ней ничего... Ничего, кроме обсуждения деловых вопросов.

Квартира Полины встречает меня ароматами домашней еды и пирога. Поля неловко топчется, предлагая мне снять куртку, и приглашает на кухню.

– У вас стало уютно, – неуклюже замечаю я, вешая куртку на крючок и стаскивая обувь.

Идиотское замечание, но оно невольно срывается с губ. Квартира вправду преобразилась – везде чистота, порядок и пахнет по-другому. Ее дочка играет, сидя на ковре в гостиной. Лопочет по-своему и бросается резиновыми игрушками.

– Спасибо вам, Родион Максимович, – тараторит Полина, прижимая руки к груди. – Мой... В общем, он ушел отсюда. Даже вещи не забрал. Замки я поменяла и... Я вам так благодарна. Давайте обедать? Я борщ сварила и... Мясо с овощами потушила. Не знаю, вы такое едите?

Слова рассыпаются в горле от вида ее распахнутых глаз, струящихся по плечам каштановых волос, дрожащих тонких пальчиков... У меня даже во рту пересыхает... Обычная девчонка, такая, как миллион других... Мне надо валить отсюда, да поскорее. И перестать уже пялиться...

– Спасибо... Для меня никто не делал, сколько сделали вы, – продолжает Полина севшим голосом. – Не поверите, я прошлой ночью впервые спокойно спала. Наверное, вы думаете, что я дуручка, да? Нашла чему радоваться... Но у меня даже таких простых радостей давно не было. Я... Ну так что, пообедаем?

Господи, я с трудом сохраняю самообладание. Хочу ее обнять... Зарыться в мягкие ароматные волосы и целовать. Полина подходит к окну и отодвигает шторы, позволяя мне увидеть поблескивающие в глазах слезы и ссадину на губе. Мало я дал ее Петюне... Твари этой...

– Я могу накрывать на стол? – со вздохом говорит она.

– Больно? – произношу тихо, вскидывая ладонь и касаясь ее лица. Провожу подушечкой большого пальца по нижней губе и привлекаю Полину к груди. К черту обед... И все остальное тоже...

– Вы... Чего вы хотите, Родион Максимович? – шепчет она, испуганно вскидывая ресницы. – Я...

Порывисто накрываю ее губы своими и зарываюсь пальцами в волосы. Боже, как же сладко... И безумно. Что я делаю? Не целую – вдыхаю ее аромат и пью дыхание. Полина мычит мне в рот и с силой отталкивает.

– Уходите! Что вы... Кажется, теперь мне понятно, – шипит она, касаясь ссадины на губах. Я честно старался ее не ранить...

– Что тебе понятно? – подталкиваю Полину к подоконнику и заключаю в объятия.

– Да все! Я думала, вы...

– Хочу тебя. Ты не бойся, я всем тебя обеспечу... Хочешь, буду платить тебе каждый раз?

– Вы свихнулись? – почти вскрикивает Полина. – Уходите из моего дома.

– Подумай над моим предложением, Поля.

– Какая мерзость! Даже думать не стану. Уходите... Пожалуйста, уходите.

Девчушка неуклюже входит в кухню и тянет к матери руки. Полина подхватывает дочь и прижимает ее к себе, закрываясь, как щитом.

– Уходите... – шепчет испуганно. – И больше никогда здесь не появляйтесь... И звонить мне не надо... И...

– Извини.

Сдираю куртку с вешалки, спешно обуваюсь и как ошпаренный, вылетаю на улицу. Что на меня нашло, черт? Долбаный идиот...

Глава 5.

Полина.

– Ну не плачь ты, дурёха! – тараторит Маринка, бегая вокруг меня, как юла. – Подумаешь, мужик предложил деньги за... интим. Ох, ты же ешкин кот, ну что я мелю?

– Вот именно, – всхлипываю со вздохом. – А я... Тоже хороша. Родион Максимович это, Родион Максимович то... Как дура вокруг него скакала. Борщ сварила, мясной соус и пирог испекла. Я его ждала, Марин... – добавляю надломленно. – Мне правда хотелось что-то сделать для него. А что я могу? Денег нет у меня, только умения. Вот я и приготовила обед.

– Ты бы на себя посмотрела сначала, куколка моя, – закатывает глаза Маринка. – Красавица! Вот ты кто.

– Ага, с подбитой губой.

– Плевать. Расскажи подробнее, как это было? – протягивает Маринка мечтательно.

– Фу! Извращенка.

– Да ладно тебе. Рассказывай. А потом мы посмотрим что-нибудь о нем. В интернете наверняка полно скандальных статей об этом таинственном красавчике.

– Он... Я спросила его про обед, а он...

– Господи, Полинка, мне клещами из тебя слова вытаскивать?

Мне стыдно... От своей наивности, простоты и глупости... И мне неловко признаться Марине, что мне было приятно, когда Родион целовал мои губы... Меня так давно никто не целовал. Тем более, такой мужчина... Неудивительно, что его напор меня испугал и оттолкнул.

– Я... Я предложила пообедать, а он... Гладил мое лицо, трогал ссадину, а потом поцеловал.

– Ну и?!

– Я его прогнала, Марин. Меня напугал его напор. Я ведь посчитала, что Родион Максимович благородный, а он... Обычный похотливый козел. И все он делает из-за наследства. Ему только это нужно, а не я... Так что, Мариночка, давай закроем эту тему раз и навсегда. Его никогда больше не будет здесь. И в моей жизни...

– Какого такого наследства? Ты богатая наследница, Полька? Я правильно поняла?

Рассказываю Марине о скоропалительном фиктивном браке с Максимом Игоревичем, наблюдая, как стремительно расширяются глаза Мариши.

– Он просто попросил меня, понимаешь? Ему было жалко терять завод. Он до конца жизни любил свои корабли. Иногда мне казалось, что яхты и суда он любил больше своих близких. А я пообещала, Марин... И что только мною двигало?

– И как ты это проворачиваешь? Ездишь на работу? Во все вникаешь?

– Да. А что мне остается? Ездим вместе с Анфиской и руководим. Перед смертью Максим Игоревич ввел меня в курс всех дел. Назначил нового управляющего, а мне дал право подписи и доступа ко всем делам. Хорошо, что Петр не успел пропить мой старенький ноутбук, – вздыхаю, поглядывая на дочурку. Анфиса сидит возле нас на коврике и играет кубиками. Кроха моя любимая... Мысли против воли возвращаются к Родиону Максимовичу... Неужели, он и моей дочурки не побоялся? Вокруг него ведь много женщин? Уверена, что много. Иначе и быть не может... Тогда почему я? Все из-за наследства... Наверное, полюбить меня не за что? Тоска, как въедливая плесень, отравляет душу... Он просто использовал меня, вот и все... Думал, охмурить наивную дурочку ему не составит труда? Как бы не так!

– Опять ты гоняешь в голове дурные мысли, Полька, – Маринка не сводит с меня глаз. – Ты очень красивая, вот и весь ответ. Умная, честная... А еще он увидел, как тебя обижал

этот... подонок. Вот у него крышу и сорвало. Ну что, посмотрим, что на него есть? Кто на самом деле наш таинственный мистер Х?

Маринка распахивает крышку моего ноутбука. Проворно набирает в поисковой строке запрос и ерзает, прикусив губу.

– Ну вот он, полюбуйся, – она разворачивает экран, демонстрируя фотографию Родиона.

Господи, я от одного его вида на экране краснею... И снова возвращаюсь мыслями к его идиотской просьбе:

«Я буду тебе платить... За каждый раз...»

Гадко, мерзко, цинично... И на что он рассчитывал?

– Зачем мне его фотографии, Марин? – фыркаю и отворачиваюсь.

– Пишут, что он был женат на некой Альбине. Глянь какая фифа?

Ну фифа, и что? Разве я сомневалась, что возле Богородицкого крутятся роскошные женщины? Интересно, почему они развелись? Хотя нет... Мне это совсем неинтересно. Здесь он больше не появится. Ни в моем доме, ни в жизни... Разве что на завод заявится, чтобы провести там ревизию...

– Наверное, она ушла от Родиона из-за его... темперамента? – смущенно произношу я.

– Здесь не написано, котик, – Маринка закрывает ноутбук. – Давай-ка, одевай Анфису и пойдем гулять. Тебе надо свежим воздухом подышать. И квартиру проветрить от роскошного селективного парфюма этого... мистера Х. Представляю, как он пахнет, когда... Ну, когда рядом... Обнимает тебя, целует... Мммм...

– Марин, перестань, – обрываю чопорно. – Все, забыли о нем. Пошли гулять.

В двери звонят. На ватных ногах подхожу ближе и спрашиваю дрожащим шепотом – гостей-то я не жду:

– Кто там?

– Капитан юстиции Емельянов. Откройте, пожалуйста.

– Да, – распахиваю дверь, встречаясь взглядом с молодым высоким мужчиной в форме.

– Атаманова Полина Романовна? – твердо произносит он.

– Она самая, – отвечаю, остро чувствую надвигающуюся беду.

– Вы задержаны по подозрению в убийстве. Вам надо проехать со мной.

– А... Э... У меня малышка, – взмахиваю ладонью в сторону комнаты.

– А что здесь происходит? – подходит Марина, складывая на груди руки. – Вы кто такой?

– Марин, мне надо... Посиди немного с Анфисой, а потом ее заберут в детский дом, – выдавливаю хрипло. Анфиска топает из комнаты, а я с трудом различаю силуэт доченьки сквозь пелену выступивших слез...

Родион.

Олька хрустит попкорном, сидя справа, а на большом экране мелькают кадры. Почти как мои мысли... Они вертятся вокруг дурацкого поступка, не желая переключаться ни на что другое... И что на меня нашло? Идиот... Ее тихая мольба, слова благодарности, теплый взгляд карих, как гречишный мед глаз... У меня от одних воспоминаний об этой девчонке сносит крышу. Мне ее просто жалко, вот и все... Наверное, хорошо, что Полина меня прогнала... И хорошо, что я сорвался. Пусть считает меня козлом и расчётливым мерзавцем. Помогу ей на расстоянии... Завтра же отправлю к ней адвоката, и пусть сами разбираются.

– Папуль, тебе кино нравится? – Оленька дергает меня за рукав. – Ты из-за мамы расстроился? Да ну ее... Ты у меня самый лучший, а этот ее... Он на хлюпика похож или на гомика.

– Оля! Откуда ты такие слова знаешь? Из-за мамы я давно не переживаю, не волнуйся.

– А что тогда? Ты грустный.

– Обидел одного человека, а теперь мучаюсь. Смотри кино, солнышко.

Ерзаю в кресле, мечтая поскорее очутиться на улице. Оля просит меня купить ей кукурузных чипсов и фанты. Тихонько выхожу в холл кинотеатра и направляюсь к кассе, чувствуя, как в кармане вибрирует телефон.

– Слушаю вас, – отвечаю абоненту с незнакомым номером.

– Родион Максимович? Простите за беспокойство. Ох... Полинка меня, наверное убьет, – в динамике дрожит растерянный женский голос.

При упоминании Полины сердце сжимается в болезненный комок.

– Вы кто? И что случилось? – спрашиваю, слыша, как на том конце провода жалобно плачет малышка.

– К Поле приходили из полиции. Или из следственного комитета, я так и не поняла. Емельянов его фамилия, капитан юстиции... – всхлипывает женщина.

– Успокойтесь и расскажите мне все. Кто вы?

– Марина... Я педиатр из частной клиники, вы меня вызывали к Атамановым. И я не могу все время сидеть с Анфиской. У меня работа, вы же понимаете...

– Давайте по порядку. Где вы сейчас?

– У себя дома. Полинку забрали по подозрению в убийстве, представляете? Ну разве не бред? Полина и убийство... Я оформила отгул и сижу с Анфисой, но долго я не могу этого делать. Мне работать надо, – с мольбой в голосе протягивает Марина.

– Это Полина попросила вас мне позвонить? – спрашиваю осторожно, чувствуя, как невидимой рукой меня обнимают неуверенность и стыд.

– Нет, что вы! – тараторит Марина. – Полина и словом о вас не обмолвилась. Я нашла в интернете название фирмы, где вы работаете и уговорила секретаршу дать ваш личный номер телефона. Извините меня...

– Понятно. Напишите мне ваш адрес, я подъеду.

– А ко мне-то зачем?

– Заберу ребенка. Вам нельзя терять работу.

– А вам? А вы?

– Разберемся, Марина. Не волнуйтесь.

До окончания киносеанса остается двадцать минут. В зале вспыхивает свет, Оленька собирает мусор в пакет и вскидывает на меня довольный взгляд.

– А теперь куда, папуль? Давай на каток? В парке Победы новый каток залили и...

– Оленька, а ты можешь помочь мне? Вернее, не мне, а другому человеку... Она...

– Папа, этот из-за нее ты такой хмурый? Говори, что случилось? И, да... Я не против помочь.

– Хорошую женщину забрали в полицию, а ее маленькая дочка осталась одна.

– Господи... Совсем одна? А сколько ей лет? – участливо спрашивает моя красавица.

– Совсем маленькая. Кажется, годик. Или меньше...

– Пап, ты в своем репертуаре, – кокетливо добавляет Ольга. – Она ходит?

– Да, неуверенно, но ходит.

– Значит, год ей. У моей подруги Таньки Черновой сеструха такого возраста. Я знаю, как с такими мелкими обращаться. Поедем или так и будем стоять?

– Едем.

Размышляю, чем заняться в первую очередь. Ольга садится на заднее сидение, переключая внимание на телефон, а я звоню юристу. Отчего-то, я был убежден, что Петюня уйдет в запой и только потом пойдет в полицию... Но подонок поступил иначе... О чем он только думал, мерзавец? Кем надо быть, чтобы так поступить со своим ребенком? Попадись он мне сейчас... Меня рвут на части злость и бессилие. Я еще никого не вытаскивал из тюрьмы... Как это вообще делается?

– Александр Владимирович, мне нужна информация по делу. Срочно! – почти кричу в динамик.

– Слушаю вас, Родион Максимович.

– Вдову моего отца задержали по подозрению в убийстве. Выясни, где ее содержат и кто ведет дело. Срочно!

– Да понял я, понял... Адвокат по уголовным делам готов выслушать вас.

Мысли против воли возвращаются к моему поступку... Как смотреть ей в глаза? Примет ли Полина помощь или оттолкнет, держась за остатки достоинства? Или, напротив, увязнет в горьком колоде из вины и стыда? Не станет ли чувствовать себя обязанной «отработать» его любезность? Погруженный в безрадостные мысли, въезжаю во двор кирпичной многоэтажки по адресу, указанному Мариной. Порыв холодного воздуха отрезвляет меня. Ступаем с Оленькой по тротуару и входим в подъезд. Давлю на кнопку звонка, слыша, как за дверью копошится Марина и плачет малышка.

– Хорошо, что вы пришли, – распахивает дверь девушка. Приглашает в квартиру и дежурно предлагает выпить чаю. – Анфиса все время плачет, а я... Хоть и педиатр, не знаю, что делать. Уже и кормила ее, и играла.

– Ути, какая она прикольная, – без стеснения протягивает Оленька. – Да, пап? Такая забавная. Мы ее сейчас заберём?

– А это ваша дочка, Родион Максимович? – поджимает губы Марина.

– Да. Она поможет мне с Анфисой. Вы не знаете, куда Полину... Романовну повезли?

– Нет... Меня не посчитали нужным уведомить.

– Сам узнаю. Марина, соберите вещи для девочки. Я займусь поиском няни.

Глава 6.

Полина.

Я так часто представляла все это, что реальность уже не кажется мне пугающей... Видела как наяву сурового следователя, кабинет со столами, заваленными бумагами, стеллажами с бесконечными папками... Выходит, Петя выполнил свою угрозу и тотчас побежал к полицию? Странно, что не испугался подставить под удар себя... Уверена, он нашел нужные слова, чтобы выйти из воды чистеньким. А мне что делать? Мудрые люди говорили: делай то, что должно... И будь что будет.

Замок клацает, а металлическая дверь протяжно скрипит и распаивается, являя взору конвоира.

– Атаманова, на допрос.

Я имела неосторожность тотчас признаться в убийстве. На вопрос следователя Емельянова ответила утвердительно, за что меня поместили под стражу. Вот же дура! Могла ведь отнекиваться или сделать вид, что впервые слышу об убиенном Артеменко Василии Ивановиче и остаться дома на время поиска улик против меня. Но я призналась...

Конвоир застегивает наручники и ведет меня по длинному темному коридору в допросный кабинет.

– Плохи ваши дела, Атаманова, – вздыхает Емельянов, с чувством захлопывая папку. – Семья Артеменко жаждет возмездия убийце. Все это время они безуспешно пытались добиться возобновления расследования, но...

– А почему же вы не расследовали? – хрипло произношу я.

– Не было улик. Отпечатков, биологических следов. Ничего не было... Убийца, то есть вы, стер отпечатки и обработал мебель и... И самого убитого спиртом.

– Что? Я не обрабатывала его ничем! Я была в таком состоянии... О чем вы говорите? Наверное, это сделал Петр Жуков? Он тогда помог мне и...

– Петр Жуков предоставил нам данные с камер видеонаблюдения. На них только вы, Полина Романовна. Вы наносите Артеменко удар вазой. Никакого Жукова на записях нет.

– Как же нет? Он тащил тело в подсобку! Мне все понятно, товарищ следователь. Он произвел монтаж записей и удалил кадры, на которых...

– Полина Романовна, вы ударили Василия Артеменко вазой?

– Да.

– Тогда при чём здесь Жуков? Мы можем предъявить ему обвинение по статье 316 УК РФ. По закону лицо, скрывающее преступление близкого родственника, не подлежит наказанию. У вас с Жуковым растёт дочь, так что...

– Он бил меня... – произношу надломленно, заглядывая Емельянову в глаза. – Забирал все деньги, все время пил и не работал. Я вещи дочери не могла купить, я...

– Что же изменилось? – Емельянов нервно покручивает в руках ручку.

– За меня заступился мужчина. Не знаю подробностей, но Петр Жуков явился ко мне домой и молча забрал вещи. Я поменяла замки и зажила спокойно. Предположу, что Родион Богородицкий применил к нему...

– Он его бил?

– У Петра были синяки на лице, но кто его бил, я не знаю.

– Полина Романовна, я правильно понимаю – Петр применил к вам насилие, узнав про измену? С этим... Богородицким.

– Господи, и на что я надеюсь? – произношу горько. Наверное, мужская солидарность – неистребимая вещь? – Зачем вы меня допрашиваете? Если вы уже вынесли мне приговор? Вы же мне не верите, вы...

– Простите, я должен ответить на звонок, – отрезает Емельянов извиняющимся тоном.

Он что-то произносит в динамик, а потом резко поднимается с места и выходит из допросной, оставляя меня одну. Меня запирают снаружи всего на минуту. За дверью слышатся шаги и мужские голоса. Емельянов что-то бубнит, а ему грозно отвечает... Родион! Нет, нет... Этого не может быть. Зачем ему сюда являться? Я его прогнала, отказавшись принять «заманчивое» предложение получать деньги за постель... Наверное, у меня галлюцинации? От слез, переживаний и недосыпа...

– Полина Романовна, пришел ваш адвокат, – Емельянов не скрывает удивления.

В допросную входит мужчина в очках и элегантном длинном пальто. А за ним следом... Родион.

– Полина... Романовна, – сухо произносит Родион. – Познакомьтесь с вашим адвокатом, Егором Львовичем.

– Караваев, к вашим услугам, – кивает мужчина, поджимая губы и без приглашения присаживаясь за стол. – Теперь я буду защищать Полину Романовну, – а это бросает Емельянову. – Мне нужны материалы дела для ознакомления. И... Можно ли отпустить подозреваемую под залог?

– Нет, к сожалению, – качает головой следователь. – Полина Романовна скрывалась от правосудия. К тому же призналась в убийстве. Мера пресечения остается прежней – содержание под стражей.

Чувствую кожей, что Родион не сводит с меня глаз... О чем он думает? И, почему помогает? Меня затапливает краска стыда: мошенница, стремящаяся завладеть наследством его отца, а теперь еще и убийца... Уверена, что он уже миллион раз пожалел, что поцеловал меня.

– Полина Романовна, у вас пять минут, – недовольно произносит Емельянов. Сгребает со стола бумаги и покидает допросную вместе с Караваевым.

Мы остаемся одни. Знаю, что лицам, находящимся в СИЗО, не положены свидания с посторонними... Тогда как ему это удалось? Вероятно, платит большие деньги кому надо? Хочет, чтобы я почувствовала себя обязанной или...

– Анфиса у меня дома, – начинает он сухо. Садится на место Емельянова и складывает пальцы в замок.

– Что? А как же... – вскидываю ресницы, встречаясь с его внимательным, цепким взглядом.

– Не волнуйтесь, Полина... Романовна, я нашел хорошую няню для девочки. А Марине нужно работать.

– Так это она вам позвонила? Родион Максимович, я не просила ее, честное слово, – оправдываюсь я. – Мне бы никогда в голову не пришло обращаться к вам, я...

– Я хотел извиниться за свое поведение, – произносит Родион, опуская взгляд. – Я был неправ. Простите меня. Этого никогда больше не повторится, Полина Романовна.

«Понятное дело, что никогда... Зачем ему такая, как я – мошенница и убийца?»

– Хорошо. Как там Анфиса? – перевожу тему, не глядя ему в глаза. Мне так за себя стыдно... Кажется, Родион ворвался в мою жизнь и увидел все мои проблемы разом. Все самое грязное и мерзкое, что я скрывала...

– Все в порядке. Мы с ней... пытаемся подружиться. Пока она меня побаивается, но с няней нашла общий язык.

– А что будет, когда меня посадят? – все-таки поднимаю взгляд.

– Я сделаю все, чтобы этого не случилось.

Родион.

Не помню, чтобы чужая жизнь так меня занимала... Я был уверен, что давно разучился пускать кого-то в сердце. Чувствовать, сострадать, да и страдать тоже... Черт. На на кой она мне сдалась? Чужая женщина с миллионом проблем? Вдова моего отца, с кем я так и не успел помириться перед его смертью. Вспоминаю ее стыдливый взгляд, дрожащие пальцы, круги под глазами от усталости и слез и... Сердце сжимается в болезненный камень, а пальцы в кулаки... Адвокат ничего не смог сделать. Этот... Емельянов твердил без умолку: «Не положено, не положено... Мера пресечения – содержание под стражей». Я и деньги ему предлагал, причем немалые, только все было без толку...

– Расстроились, Родион Максимович? – вздыхает Караваев, сидя на пассажирском сидении. Дорога из СИЗО кажется бесконечной...

– Вы же говорили, что поможете, Егор Львович, – сжимаю руль так крепко, что белеют костяшки. – На каком основании ее держат в тюрьме? Она же не рецидивистка в конце-то концов! Неужели, нельзя посадить Полину под домашний арест или...

– Пока нельзя, Родион Максимович. Но я работаю над этим, – покряхтывает Караваев. – Много не сходится в деле... Странно это все как-то... Здоровый мужик под два метра ростом и умер от... Хм... От удара хрустальной вазой.

– А что показало вскрытие? – сворачиваю к офису Караваева, стремясь поскорее его высадить. Олька уже оборвала мне телефон... Еще неделю назад в моем доме не было детей, а теперь целых двое!

– Дело вел другой следователь. Вернее, он и не собирался его вести... Кому охота портить статистику всяком? Смерть Артеменко признали несчастным случаем. Мол... Упал человек и умер. И упал он не в кабинете, где его ударила Полина, а у себя в подсобке. Артеменко был начальником производственного участка, они с мужиками выпивали, а потом он пошел в кабинет к шефу, – Караваев вымученно утирает лоб. – И ничего этот Емельянов не желает слушать про Петра! Заладил про признание Полины и все тут! Еще и жена Артеменко... Она с первого дня не верила, что ее муж умер естественной смертью.

– То есть тело обнаружили в подсобке? Может, он туда сам и дошел?

– Нет. Полина и этом призналась... Они с Жуковым дотащили тело в подсобку и инсценировали несчастный случай. Сложно там все, Родион Максимович... Но я попробую добиться эксгумации тела. Не верю я, что здорового мужика можно убить вазой! Вы нашу Полину видели?

Видел ли я? Кажется, глаза закрываю и только ее и вижу... Длинные, почти черные волосы, закрывающие плечи, большие карие глаза в опущке черных ресниц, пухлые розовые губы. У нее родинка над губой справа, а на носу россыпь мелких веснушек... Черт. Идиот влюбленный, вот кто я... Хотя нет... Глупости эти все... Никакая не любовь, а обыкновенное влечение. Я же высказал ей, чего хочу. Она ответила отказом, так что все честно...

«Простите меня, Полина Романовна. Этого больше не повторится...».

На мгновение мне показалось, что в ее взгляд закралось сожаление. Оно плескалось там совсем недолго, секунду или миллисекунду, а потом сменилось уже знакомой мне стыдливостью... Как же вытравить ее из Полины? Вину, стыд, самобичевание, затравленность? Внутри поднимается буря из гнева и желания убивать... Петюня нарушил договор и пошел в полицию. Слил мать своего ребенка и добился снисхождения следователя по гребной статье 316. Но от моего суда ему не уйти...

– Егор Львович, выясните, где живет эта мразь... Надо бы к нему навеститься.

– Вы имеете в виду Жукова – отца ребенка Полины?

– Его самого. И надо добиться эксгумации тела и повторного вскрытия. Вы правы – что-то там случилось не то... Странная смерть. Зачем он явился в кабинет к начальнику? Они разве были близки? Что ему понадобилось? Почему пришел в конце рабочего дня, когда никого на работе не было?

– Вопросов много, Родион Максимович. Я все сделаю... Не волнуйтесь. По закону и без спешки. Здесь она не нужна... Потерпит Полина Романовна. Она девушка хорошая, недаром папа ваш ей доверился. Немного совсем надо потерпеть...

– Я на вас рассчитываю, – отвечаю голосом, каким говорят люди, платящие большие деньги.

Олька звонит мне еще раз, прежде, чем я добираюсь до дома. В прихожей меня встречает няня Галина Серафимовна. А к ее ногам липнет пухленькая кроха. Как же она похожа на Полину – те же темные волосы, родинка над губой и большие глазки-пуговицы.

– Анфиса, привет, – присаживаюсь на корточки и тяну к ней руки. – Мама тебе привет передала.

Девчушка шмыгает носом и пускает пузыри, а потом неожиданно делает два неуверенных шага в мою сторону и... валится в мои объятия.

– Ой, Родион Максимович, девочка привыкла к вам, – надломленно произносит няня. – Хорошая такая малышка, послушная, кушает хорошо. А ее мама скоро к нам приедет?

– Скоро, я на это очень надеюсь, – поглаживая Анфису по голове, отвечаю я.

– Папуль, ну наконец-то! – из комнаты выходит Олюшка. Деловито поправляет длинные пряди и вынимает из ушей наушники. – Я хотела, чтобы ты посмотрел, как я научила Фиску говорить. Но ты слишком долго ехал... Она устала и расплакалась. А сейчас вообще гулять пойдет.

– А что она говорила? – снимаю куртку и стаскиваю обувь.

– Мама, папа, Оля, – улыбается Олька. – Идем, я покормлю тебя. Тетя Галя сварила такой суп вкусный.

– Идем, – вздыхаю, вспоминая, как похудела Поля... Надо добиться разрешения принести ей нормальную еду каждый день, а не раз в месяц...

Полина.

Так я и думала, что тюрьма меня добьет... Лоб пылает, к нему липнут мокрые спутанные пряди, а тело сотрясает мелкая дрожь. Холодно... И так одиноко... Натягиваю на плечи тонкое казенное одеяло и сворачиваюсь в позу эмбриона – так теплее...

– Знатно тебя потряхивает, – замечает сокамерница Зинаида, в простонародье Зинка. – Может, конвоира вызвать? Тебя в больничку надо. Там хотя бы еда похожа на еду, а не помои.

– Давайте... Зовите, – скрипуче бормочу я. Не хватает еще умереть и оставить Анфиску сиротой.

Зинка встает и в мгновение ока оказывается возле двери. Взмахивает руками и что есть силы барабанит по толстому металлическому полотну.

– Вертухай, к нам давай! Седьмая камера! Болезная у нас, забирайте в больничку.

– Тише ты, Ващенко!

Дверь с шумом распаивается. Конвоир входит в камеру и оглядывает заключенных цепким взглядом. Женщины втягивают головы в плечи и замолкают. В замершем воздухе слышится каждый шорох и неосторожный вздох.

– Кто заболел?

- Я. Заключение Атаманова.
- Лицом к стене, руки за спину.

Неуклюже сползаю с койки и выполняю приказ. Конвоир ведет меня по длинному сырому коридору в медицинский кабинет. Снимает наручники и вручает в «заботливые» руки врача.

– Что вас беспокоит, Атаманова? – тоном, не терпящим возражения, произносит врач. Моет руки в раковине и небрежно вытирает их полотенцем.

- Температура высокая, озноб, кашель.
- Раздевайтесь и ложитесь на кушетку.

– Вы только моему адвокату сообщите, – слабым голосом произношу я, протягивая конвоиру заветный листочек.

В голове до сих пор звучат строгие слова доктора: «Посмотри, до чего ты себя довела? Не ешь, не спишь... Ты здесь сдохнуть хочешь? Это пока у тебя... цветочки в виде запущенного бронхита и утомления от недоедания».

А как здесь можно что-то есть? Нет, я совсем не прихотливая, но эти помои сложно назвать едой.

- Идемте в палату, Атаманова. Соберите нижнее белье и средства личной гигиены.

Странно, что меня ведут по коридору без наручников... Забыл он про них, что ли?

На дрожащих от слабости негнущихся ногах я бреду к своей койке. Бросаю необходимые предметы в пакет и оборачиваюсь, ожидая дальнейших указаний конвоира.

- Сообщите моему...
- Уже распорядился, – рявкает он недовольно.

Может, ко мне в больницу приедет Родион? Отчего-то воспоминания о мужчине вызывают трепет... Во рту пересыхает от волнения и предвкушения встречи, а потом томление сменяется стыдом – таким обжигающим и горьким, что хочется поморщиться... Кто я такая, чтобы он меня навещал? Родион и так многое для меня сделал, тогда почему мне хочется еще большего? Дура... И самонадеянная идиотка. Перевожу взгляд на свои заросшие без маникюра руки, возвращаясь в реальность. Я помню, как выглядит его жена – ослепительной красоты женщина со светлыми длинными волосами. А я... Убийца и мошенница. Вот кто я...

До больницы меня сопровождают два конвоира. Едва переставляю ногами, следуя за ними в палату. Вполуха слушаю инструкции о правилах поведения в больнице и бессильно валюсь на койку. Чувствую, как кто-то обнажает мою ягодицу и делает укол, а потом проваливаюсь в долгий болезненный сон... Мне снится доченька и... Родион. Мама, Максим Игоревич, Петя... Просыпаюсь от собственного бреда и холодного липкого пота. Щурюсь, не сразу понимая, где нахожусь...

- Проснулась? – слуха касается знакомый голос. Родион... Все-таки пришел...

– Я... Ты пришел, – не спрашиваю, а утверждаю. – Прости, я в таком виде. Я... Хочу помыться.

– А есть хочешь? – не обращая внимания на мой внешний вид, спрашивает он. Холёный, красивый, пахучий... Мечта женщин, а пришел ко мне – грязной заключенной...

- Хочу.

– Врач на тебя жаловался, Полина... Романовна. Не ешь ничего, вот и заболела. Давай-ка, поднимайся и за стол. Вернее, за тумбочку.

Смаргиваю остатки сна и оглядываю палату – я лежу одна, а ко мне пришел Родион...

- Как тебе удалось?

– Ты о чем? – раскладывая еду по тарелкам, недоумевает он.

– Ты платишь им, да? Адвокату ладно, там без вариантов, а им всем? Врачам, конвоирам? Они так легко тебя пустили и...

– Успокойся, Полина. Во-первых, в камере установлены камеры наблюдения. Если я попытаюсь тебе что-то передать, это сразу заметят. Я просто могу убеждать людей. Они не отказывают мне.

– А, во-вторых? Если мне удастся выйти отсюда, я все тебе отдам, хорошо? Получу наследство и оплачу. Ты не стесняйся показать мне преysкурant. Сколько тому, сколько этому... Не люблю быть обязанной и...

Мою глупую реплику прерывает приступ кашля. Боже, ну какая же я жалкая. Грязная, потная, лохматая... Еще и сварливая, если вместо благодарности говорю всю эту чушь.

– Когда выйдешь, тогда и поговорим, – отрезает он. – Суп или борщ? Я все взял. Котлеты, отбивные, пирог с капустой. Моя новая няня-домработница отлично готовит.

Господи, ну почему он все это делает для меня? В горле собирается горький ком...

– Спасибо, – шепчу и придвигаю табуретку к тумбе. – И борщ, и суп... Кажется, я не ела сто лет.

– С Фисой все хорошо, – говорит он, отворачиваясь от меня. Понимает, как я стесняюсь есть при нем. – Она здоровая, довольная девчонка. И уже привыкла ко мне. Поешь, я тебе ее фотографии покажу.

Глава 7.

Родион.

Цоканье каблуков неприятно отзывается в голове, а воздух мгновенно пропитывается дорожным ароматом. Альбина не изменяет своим вкусам: обувь на высоких каблуках, длинные осветленные волосы, дорогие духи и натуральный мех... Короткие платья в любое время года, чулки и дорогое нижнее белье (хорошо, что этот пункт я проверить не могу).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.